

УДК 821.161.1.09

О ЖЕНСКОМ ПРИСУТСТВИИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX В.: ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАНОН И АВТОРЫ – ЖЕНЩИНЫ

Т. В. Сварчевская

Тверской государственной технической университет
кафедра русского языка предвузовской подготовки

В статье рассматривается проблема рецепции женского литературного творчества. На материале литературно-критических отзывов, эпистолярия и воспоминаний современников писательниц прослеживаются основные тенденции восприятия и осмысления женского творчества, выявляются критерии оценки женского письма и причины маргинализации авторов-женщин.

Ключевые слова: *русская литература, литературный канон, женское литературное творчество, стереотипы восприятия и критерии оценки женского письма в русской критике*

Вопрос о творческих возможностях женщин и о границах их реализации существует на протяжении многих десятилетий, но проблема всегда решалась не в пользу авторов-женщин, о чем свидетельствует отсутствие женских имен в литературном каноне. Их творчество не включено в школьные и вузовские программы по истории русской литературы, представленной исключительно мужскими именами, – так изначально формируется представление, что женщин-авторов не было.

Однако это не соответствует действительности. На факт женского присутствия в литературе указывают материалы, собранные, начиная с последней трети XVIII в. и на протяжении всего XIX в. Н. И. Новиковым, С. В. Руссовым, М. Н. Макаровым, Н. Н. Голицыным, С. И. Пономаревым, Д. Д. Языковым, С. А. Венгеровым и др., которые целенаправленно занимались сбором сведений, связанных с женским писательством. Так, С. И. Пономарев разворачивает весьма впечатляющую по своему масштабу картину женского присутствия в литературе второй половины XVIII – XIX вв.: в его словаре значится порядка 70 имен женщин-авторов, заявивших о себе в разных сферах литературной деятельности – как поэтессы, драматурги, беллетристки, литературные критики, публицистки, переводчицы [12]. В словарях и справочниках содержатся сведения о писательницах, чьи имена в свое время были узнаваемы читателями, а произведения хорошо известны по журнальным публикациям и отдельным изданиям.

Свидетельством женского участия в литературе могут служить отзывы литературной критики, нередко признававшей талант писательниц. Суждения современников восстанавливают совершенно стершуюся из сознания читателей последующих поколений картину. Так, сегодня может показаться удивительным, что имя Е. А. Ган ставилось современниками в один ряд с А. С. Пушкиным и М. Ю. Лермонтовым (в свое время ее произведения переводились на немецкий язык наряду с сочинениями Пушкина). Критики и литературоведы именно ей ставили в заслугу введение женской тематики в русскую литературу, признавая ее значение как первой в русской литературе «выразительницы критического женского самосознания» [21, с. 110]. Так, В. Г. Белинский, оценивший писательское дарование Ган как «великое», в 1843 г. писал: «Русская литература может по праву гордиться ее именем и ее произведениями» [3, т. 7, с. 675]. Показательны сужде-

ния об М. С. Жуковой, повести которой Белинский в 1843 г. назвал «замечательным явлением последнего времени русской литературы» [3, т. 4, с. 111]. Через десять лет, в 1853 г., Л. Н. Толстой, рассуждая о повести Жуковой «Наденька» и явно пересматривая свое отношение к женскому творчеству, писал в своем дневнике: «Я прочел “Наденьку”, повесть Жуковой. Прежде мне довольно было знать, что автор повести – женщина, чтобы не читать ее. Оттого, что ничего не может быть смешнее взгляда женщины на жизнь мужчины, которую они часто берут описывать; напротив же, в сфере женской автор-женщина имеет огромное преимущество перед нами» [19, с. 114]. Как видим, Толстой признает преимущество женщин перед мужчинами в создании женских характеров, более того создается впечатление, что Жукова убедила его, что ему как писателю можно у женщин кое-чему поучиться. В более позднее время исследователи, изучающие процесс взаимодействия мужских и женских текстов, высказывали мысль, что героини Жуковой во многом предопределили появление героинь И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого [2].

Показательны отзывы о Н. Д. Хвоцинской, литературное дарование которой современники рассматривали как равновеликое писательскому таланту М. Е. Салтыкова-Щедрина и даже отдавали предпочтение Хвоцинской [16, с. 56–57]. Как литераторов одного уровня их рассматривал Вл. В. Гиппиус, сравнивая ее, Салтыкова и А. Ф. Писемского как бытописателей русской провинции: «Писемский – колоритнее, Хвоцинская вдумчивее. Но оба одинаково злы, почти как Салтыков...» [6, с. 311]. Показательны суждения М. Е. Салтыкова-Щедрина о Н. С. Соханской, который высоко оценил «талантливую наблюдательность» писательницы, способность «осознательно» воспроизводить жизнь: «Мы должны быть благодарны ему (автору – С. Т.) уже за то одно, что он с таким верным инстинктом наметил нам сердечные боли нашей общественной среды...» [15, с. 382]. Этот ряд примеров можно продолжить, но важно не количество. Гораздо более важно другое: приводимые материалы показывают, что в сознании современников писательницы XIX в. существовали как реальные участницы общего литературного процесса. В связи с этим естественно возникает вопрос о том, какое место отводилось писательницам в литературной иерархии, почему упоминания о них впоследствии были исключены из истории литературы и каким образом происходило это вытеснение.

При ближайшем рассмотрении отзывов становится очевидным, что, несмотря на высокие оценки и аттестации, современники воспринимали женское творчество как дилетантское, отказывая ему в самостоятельном и серьезном значении. Уже к концу 1840-х гг. в критике сформировались определенные признаки, которыми обосновывалось отсутствие творческого потенциала у женщин, в частности такие, как художественная неубедительность, редуцирование общественной проблематики, однообразие, обилие рассуждений, подменяющих художественное изображение и др. [17]. Само определение *женский (дамский)* выступало не как свойство, но как оценка и коннотировалось негативно. Так, И. И. Панаев, неодобрительно отзываясь о произведениях женского пера, писал, что есть в них «что-то кокетливое, манерное, отзывающееся раздушенной риторикой» [1, с. 62]. По словам И. Л. Савкиной, «в самом определении “женское творчество” для литераторов <...> имплицитно присутствовали категории дилетантизма, ни к чему не обязывающей болтовни, чувствительности, несерьезности, слабости, неразвитости» [14, с. 14]. Обсуждая произведения писательниц, современники высказывали противоречивые мнения, но в итоге разговор о творческих возможностях женщин не-

избежно сводился к утверждению о несовершенстве и ограниченности женского таланта [3, т. 1, 221–228; 8; 9; 13; 20]. Это и определило ситуацию двойственного положения женских авторов в литературном каноне: реально участвуя в общем литературном процессе, писательницы не являлись его полноправными участницами.

Можно, наверное, говорить об особенностях природного дарования: в отличие от литераторов мужчин, чей талант развивался до последних дней жизни, творческая энергия многих писательниц со временем угасала. Так, например, литературная деятельность А. Я. Панаевой, чье вступление на литературное поприще в 1840-х гг. было встречено более чем благосклонно, в последующие годы идет на убыль. Е. П. Ростопчина, литературная известность которой приходится на 1830 – 1840 гг., впоследствии уходит с авансены. Успешно дебютировавшая в 1847 г. А. Я. Марченко в 1861 г. надолго прекращает занятия литературой. Н. Д. Хвоцинская, активно выступавшая в области беллетристики и литературной критики в 1850 – 1870-х гг., в последние годы жизни занималась в основном переводами. Целый ряд писательниц, в частности А. В. Зражевская, Е. В. Салиас де Турнемир, со временем отказывается от занятий беллетристикой, обращаясь к литературной критике и публицистике. Однако эти факты скорее служат основанием для того, чтобы иначе взглянуть на проблему женского авторства и задуматься об условиях существования таланта, о тех факторах, которые способствуют или же, напротив, препятствуют его развитию.

Как показывают наблюдения, в случае, когда речь идет о женских авторах, весьма значимой оказывается гендерная составляющая проблемы. Отказ от литературных занятий был связан с условиями жизни и профессиональной деятельности самих писательниц. Семейные неурядицы, забота о благосостоянии родных, отсутствие материальных средств, творческая и культурная изоляция, невнимание критики, общественные предубеждения не только не способствовали укреплению таланта, но не представляли возможности для стабильной работы. Критики, отмечая однообразие женского письма, не пытаются обнаружить причины этого явления, не ставят вопрос о том, что жизненная сфера, в которой протекает деятельность литератора, во многом определяет область его интересов.

В свое время в разных национальных контекстах неоднократно артикулировалась мысль об изначально неравных условиях, в которых происходило формирование, а впоследствии протекала жизнь мужчин и женщин. В 1842 г. русская писательница А. В. Зражевская, отстаивая мысль о творческой одаренности женщин, предлагала поставить их в равное положение с мужчинами: «Дайте женщине школу, подчините ее с детских лет труду, труду и труду, учредите женские университеты, кафедры...» [7, с. 10]. Заостряя вопрос подобным образом, Зражевская утверждала, что «в воспитании женщин, а не в их природе» [7, с. 11] кроются причины невыявленности женского творческого потенциала. В 1860 г. русский литератор М. Л. Михайлов заявлял, что женская нереализованность является следствием гендерного неравенства в культуре, и утверждал, что причины этого явления «не органическая слабость, а с детства ложно направляемое, отличное от мужского, исключительное воспитание» [11, с. 44], формирующее превратное представление о жизни («Для систематического покорения ее вечной опеке мужчины необходимо убить в ней всякую самостоятельность мысли.» [11, с. 44]), недоступность серьезного образования и общественный порядок, отстраняющий женщин от полноправного участия в публичных сферах деятельности. Михайлов полагал, что в процессе социализации происходит нивелирование женской личности:

«...преднамеренно исключать значит стараться ограничить умственные способности существа, одаренного мыслью» [11, с. 93]. В 1904 г. русская писательница Н. А. Лухманова заявляла, что гендерно дифференцированная система воспитания уродует девочку: «Она с молоком матери всасывает в себя убеждение, что вся общечеловеческая деятельность принадлежит мужчине, а для нее есть своя особая, женская сфера...» [10, с. 8–9]. Впоследствии же изначально заданные модели закрепляются, лишая женщину возможностей полноценной реализации. В 1929 г. английская писательница В. Вульф в эссе «Своя комната» показала, как общественные предубеждения препятствуют творческой состоятельности женщин [5]. Обращает на себя внимание сходство позиций, независимых друг от друга авторов. Их суждения позволяют сделать вывод о том, что главной причиной маргинализации женщин являлись социокультурные условия, которые не только не способствовали, а напротив, препятствовали развитию творческого потенциала женщин, практически не оставляя им шансов на успешную творческую реализацию. Совершенно очевидно, что в подобных условиях настоящее литературное признание просто не могло состояться, что и произошло в случае большинства писательниц.

Тем не менее ситуация такого присутствия / отсутствия женщин в культуре актуализировала интерес писательниц к проблеме творческого самоопределения и стимулировала необходимость заявить о себе как полноправном «самостоятельном, активно действующем творческом субъекте» (И. Л. Савкина), что выразилось в поисках собственных форм творческого самовыражения. В этой связи особого внимания заслуживает работа Н. И. Билевича (1847), который одним из первых предпринял попытку оценить вклад женщин в развитие литературы, причем его суждения заметно отличались от типичных для того времени оценок. Рассматривая творчество писательниц 1830 – 1840-х гг., Билевич приходит к следующему выводу: «Если русская женщина долго прислушивалась к литературе пушкинского периода – она, кажется, не только многое переняла, но многое, может быть, и пересоздала по-своему» [4, с. 677]. С нашей точки зрения, Билевич очень верно определил общую тенденцию развития женской прозы, выразившуюся в стремлении переосмыслить традиционные модели феминности и заявить о своей полноправности в литературе.

Список литературы

1. [Б. п.] Заметки и размышления Нового Поэта по поводу русской журналистики // Современник. 1855. № 9. Отд. V. С. 52–64.
2. Белецкий А. Тургенев и русские писательницы 30–60-х гг. // Творческий путь Тургенева; ред. И. Л. Бродский. Пг.: Сеятель, 1923. С. 135–156.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959. Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения. Дмитрий Калинин. Русская быль. 1829–1835. 1953. 574 с. Т. 4: Статьи и рецензии. 1840–1841. 1954. 675 с. Т. 7: Статьи и рецензии. Февраль – май 1843. Статьи о Пушкине, 1843–1846. 1955. 740 с.
4. Билевич Н. Русские писательницы XIX в. // Московский городской листок. 1847. № 169. С. 677.
5. Вульф Вирджиния. Своя комната // Эти загадочные англичанки. М.: Прогресс, 1992. С. 78–154.

6. Гиппиус Вл. В. Женский вызов // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века; под ред. Е. Строгановой и Э. Шоре. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 308–313.
7. Зражевская Александра. Зверинец. Письмо второе. (П. М. Бакуниной) // Маяк. 1842. Т. 1. Кн. 1. С. 1–18.
8. Катков М. Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой // Отечественные записки. 1840. Т. 12. Отд. V. С. 15–50.
9. Киреевский И. О русских писательницах (Письмо к Анне Петровне Зонтаг) // Избранные статьи. М.: Современник, 1984. С. 99–108.
10. Лухманова Н. А. Недочеты жизни современной женщины. Влияние новейшей литературы на современную молодежь (Две лекции). М.: Изд. Д. П. Ефимова, 1904. 160 с.
11. Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // Мужские ответы на женский вопрос в России (Вторая половина XVIII – первая треть XIX вв.). Антология: В 2 т. Тверь: Феминист-пресс, 2005. Т. 1. 224 с.
12. Пономарев С. И. Наши писательницы // Сборник ОРЯС. 1891. Т. 52. № 7. С. 23–76.
13. Поречников В. Провинциальные письма о нашей литературе. Письмо третье. «Женская доля», роман Станицкого (Современник, №3), «Отсталая», повесть г-жи Жадовской (Время. № 12) // Отечественные записки. 1862. № 5. С. 24–52.
14. Савкина И. Разговоры с зеркалом в Зазеркалье: Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 416 с.
15. Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. М.: Художественная литература, 1963–1875. Т. 5: Критика и публицистика. 1966. 711 с.
16. Строганова Е. Н. М. Е. Салтыков и Н. Д. Хвощинская: факты и интерпретации // Щедринский сборник. Вып. 3. Тверь: СФК-офис, 2009. С. 50–68.
17. Строганова Е. «Прах и суета»: Женское писательство в оценках Надежды Хвощинской и ее современников // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 120–137.
18. Строганова Е. «Пропущенная глава». Женское писательство в России XIX века: российский опыт изучения // Гендерные исследования. 2005. № 13. С. 157–170.
19. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: В 20 т. М.: ГИХЛ, 1960–1965. Т. 19: Дневники. 1847–1894. 1965. 623 с.
20. Цебрикова М. К. Русские женщины-писательницы // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века. Тверь: Лилия Принт, 2006. С. 259–307.
21. Шоре Э. «Желание любви и страстное стремление к искусству» (Е. Ган и ее повесть «Идеал») // Филологические науки. 2000. № 3. С. 104–116.

**FEMALE PRESENCE IN RUSSIAN LITERATURE IN THE XIX c.:
LITERARY CANON AND FEMALE AUTHORS**

T. V. Svarchevskaja

Tver State Technical University

The department of the Russian language pre-university preparation

In recent times, the importance of participation of women in the literary process has been a question under active discussion both home and abroad. In this paper the problem of reception of female literary creation is considered. In a material of critical literature reviews, epistolary and memoirs of contemporary writers, the main trends of perception and understanding of female creation are traced; the criteria for evaluating female writing and the reasons for the marginalization of female authors are identified.

Key words: *Russian literature, the literary canon, the female literary creation, stereotypes of perception and criteria of assessment of female writing in Russian criticism*

Об авторе:

СВАРЧЕВСКАЯ Татьяна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка предвузовской подготовки Тверского государственного технического университета (170026, Тверь, наб. Афанасия Никитина, 22), e-mail: svarchevskaya@mail.ru